

Шагающие по деревьям.

Декабрь в лагуне Кунэргвин особенно печален и прекрасен. Здесь, вдали от городской суеты, наблюдаем мы бездонность россыпей иных галактик, раскинувшихся нестерпимым драгоценным блеском в бесконечном зените, уходящем ввысь на миллионы миллионов километров, в сравнении с которыми все наши проблемы, заботы, извечные вопросы и пафосная самонадеянность патологических нарциссов от воспитания - деловитых людей с запада - обретают особенно нелепый и смешной оттенок, будто вся Вселенная смеётся над прахом их жизней, останушихся лишь пыльными крупичками на тенёте бытия, пролетев едва заметными вспышками человеческих миграций, войн, подъемов и падений во всё то же всепоглощающее пламя нерушимого закона бытия.

На невзрачном камне нашей планеты перетекает органика, вообразившая себя разумной и уверовавшая в собственные величие и значимость. Сколь смешно человечество, силящееся управлять процессами существования на собственной территории, тогда как, на поверку, оказывается совершенно неспособным управлять даже само собой.

Передо мной простирался колышавшийся тент моря, летом закономерно вздымающегося и опадающего. Сейчас же всё море было покрыто коркой льда и казалось гудящим, словно бы его летняя сила желала вырваться наружу роем снежных пчёл, разбить ледяные оковы, и торосы раскидать далеко от берега. В тёплое время года, насколько оно вообще бывает у нас теплым, самые крупные волны моря состояли из более мелких, повторяющихся в поразительном подобии своим старшим братьям - они были настолько же быстрее, насколько и мельче, а их младшие порождения были во столько же раз быстрее и мельче их самих - казалось, этому принципу нет предела, а есть только вариации растяжения волн во времени движения и пространстве нахождения. Большой интервал моря порождал более крупные и медленные волны, мелкий же образовывал рябь.

Из-за горизонта поднималась луна столь яркая, что, прокладывая себе дорожку на поверхности волн, она словно бы приобретала качество поезда, несущегося по узкоколейке собственного света навстречу нам. Рядом со мной у костра сосредоточенно нарезал балык мой верный товарищ, Омрытаган-Тынэгыргын.

- Они уже близко, мы как раз постигаем время их сезонного

перехода. Приходят с севера в декабре, когда небо самое подробное и ясное, когда ему, однако, нечего укрывать, - сказал Омрытаган.

- Они - кто? - я удивился неожиданно произнесённой после нескольких часов молчания речи. Не столь уж долго в кочевом клане, ещё не постиг всех их премудростей.

- Нюхай. Чувствуешь? Кожей нюхай, так понятно? Это они. Не люди, но Древние, идут, сомнений быть не может, но никогда не возвращаются. А следующий декабрь идут опять. Каждый год идут.

- Как можно нюхать кожей?

- А как смотреть глазами? Ты видишь летом цвет трав? Можешь описать то чувство, которым ты видишь цвет? Мир - серый. Когда он начинает дрожать, то в центрах пересечения многих-многих волн образуются смыслы. А дрожит мир всегда. Смыслы мы принимаем за вещи, как вещи порой принимаем за смыслы. В действительности же разницы между ними вовсе не существует, ведь они все - всего лишь точки равновесия, держащие кристалл существования. В собственных путях, в собственных сетях отражают они естество своё, свою сущность - и чистый поток смысла наполняется смыслом вещи, который и становится самой этой вещью. Как есть цвет, синий, зелёный или оранжевый - и есть чувства этого цвета для тебя, так и есть дерево, ветер или чугун - и есть твои чувства этих вещей издалека. Хочешь - зови их запахом, хочешь - звуком, а может быть, и прикосновением. Ничто для тебя не будет ошибкой и ничто, однако же, правдой тоже не будет. Пока чувства вещей тебя не обманывают - для тебя будет польза, только твоя польза в том, чтобы ощущать вещи, как каждый это делает по-своему. У этих тоже есть особый фон, нет, ошибки быть не может.

- Да кто они? Опасна встреча или полезна?

- Шагающие по деревьям - мы их так зовём, - Омрытаган покушал и теперь сидел, довольно подперев спину старым засаленным полешком, на котором только что нарезал балык. - Они всегда на пике волн, что видно по тому, как они движутся. Идут всегда из северного сияния по морю, быстро-быстро, совсем, однако, не проваливаются. А на берегу - по верхушкам скал, даже самых острых и неприступных из всех. Где стелются деревья - по макушкам всюду идут. Так бывает, когда в своих узорах и их изгибах существа стремятся всюду и всегда быть лишь на повороте плетения своего существования. Тогда они оказываются на пиках волн, на верхних изгибах повторов мира, никогда не спускаясь с гребня волны, а сразу перескакивая с вершины на вершину. Так делают чайки, вылавливая восходящие потоки воздуха и замирая, медленно планируют многие сотни метров, так делают и Шагающие - но с

восходящими потоками существования. Однако же человеку так делать не надо. Легко упасть с горы биения, закрепляться нечем, сил много - всегда по верхушкам шагать. Другое дело - эти, у них цепкие коготки, когда уловят верхушку - сами начинают колебания верхушки делать, и до тех пор, пока сами не прекратят - постоянно будут на верхушке. А люди скользкие, они мало-мало могут, однако, так шагать, только те могут, кто у этих научится практике когтей.

- Верхушки деревьев - это ещё куда ни шло, но верхушки волн...

- И не только тех, которые ты видишь. Дух понимания без ума, живущий в грибе мухоморе показывал тебе узоры, видел ты их изгибы, пути, которыми ходит твой ум? Увидеть направления ума изнутри этого ума не можно, как не видишь ты узоры на скалах, если сам среди них стоишь. Без ума ты можешь подняться над умом - и временно проследить плетение паутины понимания. У другого человека другой узор, однако, будет. А у кого-то и такой же почти, всякое бывает. Ты заметил, как много поворотов делает ум в этих узорах, бессилён он перед желанием остановиться, почти у всех бессилён. У кого не бессилён - может ходить тенётой в головах других людей, существ, растений, животных и даже много-много стихий без названий, на стыке которых заплетаются клубки - и твой, и чужой клубок. Верхушки этих изгибов и есть способ ходить для них и иногда - для людей.

- А ты не пробовал последовать за Шагающими, дабы узнать, куда они идут?

- А ты не пробовал последовать за моржом в прорубь, чтобы узнать, куда он плывёт? Каждому лучше у себя дома. Им легко проходить в биениях нашего мира, нет грани для тех, кто всегда в выси. Нам идти за ними можно только без ума. На ум ты истратишь всю силу в сомнениях и расколотых частях себя, прежде, чем доберёшься до двух-трёх верхушек. Ести будешь спать - сомнений не будет, и тогда ты сможешь идти. Я ходил с ними. Там, где они, нет определённости, их темп всегда опережает нас, поэтому рисуют совсем другие узоры. Тончайшие, быстрые-быстрые, однако, и мелкие-мелкие, переливаются, как северное сияние или перламутр мидии. Скоро уже тут будут. Спи, если за ними пойдёшь, недолго совсем, однако же, быть там можешь ты.

Я задумался, разглядывая окружающий меня пейзаж. Вокруг простиралась ослепительная в звёздном сиянии снега, не тронутая никем, кроме нескольких уже едва заметных следов, оставленных мною и Омыртаганом. Лютый трескучий мороз сковывал движения, но после длительных волевых усилий привыкаешь и к такому. За спиной начиналась бескрайняя застывшая в изморози тундра, кудрявящаяся

стланником самых причудливых форм и очертаний, точно деревья росли, вгрызаясь в землю и ища опоры в перевёрнутом положении, цепляясь корнями за чистый и бодрящий, как родниковая вода, северный воздух.

В звёздном свете очертания тундрной растительности преображались, обретая сходство с массовым спектаклем или сражением, неожиданно застывшим навеки в момент своей кульминации, дабы этот миг донести до зрителя как самый основной смысл всего произведения. Воспроизведи причудливую сцену во всём многообразии - и теряется смысл всего, что ей предшествовало и что должно было за ней последовать. Оставь всё прочее без этой сцены - и всё действие оказывается лишённым смысла. Не в этом ли главная тайна современной свободы человечества?

Свобода без свободы - поэтому каждый готов воображать по поводу свободы всё, что угодно, тем самым всё более и более закрепляя себя в рамках общества, навязывающего свои идеи как универсальную панацею? Но стоит лишь этим идеям предаться - и вместо свободы от рабства получаешь рабство свободы. И главная проблема человечества в том, что люди, как правило, ищут или совсем не там, где можно что-либо для себя найти, либо ищут именно там, где можно найти нечто, но при этом пытаются найти совсем иное, либо и вовсе - не знают, что ищут, думая, что колыхание вокруг точки - это и есть безграничность их права выбора.

У коровы, привязанной верёвкой к столбу тоже есть выбор, какую траву жевать в радиусе своих положенных двух-трёх метров. И вовсе не важно, что дальше своего круга она не уйдёт, а трава, в действительности, оказывается вся одинаковая. Зато скотинка в поле, на свободе, и вольна сама по доброй воле решать, где пожевать сначала - справа или слева, а где пожевать уже после того, как пожевала в первом месте.

Свобода, пришедшая к нам из западных стран, больше похожа на инструмент контроля толпы, способ давать массам бесконечно эволюционировавшее многообразие хлеба и неприлично разросшуюся вариативность зрелищ. Величайшее достижение современной алхимии Запада в том, чтобы убеждать человечество начать поиски ярко-праздничного динозавра с фантиками в пустом чулане, и, тем не менее, найти его, несмотря на то, что чулан по-прежнему пустой. И лишь накопление разнообразия в себе, практик, творческих порывов, развитие уровней сознания и осознания - вот значимый способ отойти в сторону от массового галлюцинирования выдуманными

неприступными стенами реальности, выглянуть за которые истово и до парадоксальности рьяно боится любой разумный западный человек, опасаясь, что с такого ракурса его непробиваемая крепость жизни с тенистыми аллеями и сытной похлёбкой окажется лишь адским котлом, в который человек был запущен некое количество лет назад - и который покинет, как только окончательно сварится.

Тех же, кто, забравшись на стену, всё-таки спрыгнул с противоположной стороны, элитная гвардия крепости расстреливает без предупреждения и затем сжигает на кострах. Но некоторым всё же удавалось скрыться от зоркого взгляда крепостной стражи. К сожалению, у естественных обитателей пустошей снаружи от крепости глаз не менее зоркий, так что даже из тех, кому удалось покинуть свою уютную и продуманную до мелочей тюрьму, выжили далеко не все.

Сочиняя невозможные способы достижения счастья, убеждая народ в наивно-бредовых истинах и ложных ценностях в виде престижа, необъяснимой и никем окончательно неопределённой “успешности”, смысл которой не до конца понимается даже теми, кто к этой “успешности” так стремится, моды, бизнеса, денег, яхт, клубов, светского образа жизни лопающихся от жира всевозможных политических, экономических и криминальных випов, и запредельно дорогих, но никому, на деле, не нужных побрякушек, крепость механизует существование человечества, лишая жизнь самого ценного, что в ней только может быть - самой себя.

В общем, Колобок, на поверку, оказался самым ярким, незамысловатым и настойчивым примером следования пути осознания. В детстве никто о таких вещах не задумывается, а во взрослой жизни почти никто не хочет задумываться, принимая шиворот-навыворот важные вещи за бессмысленные, а бессмысленные - за важные, меняя жизнь на джентльменский набор экстра-суррогатов жизни. И, если бы колобка не скушал известный зверь ценной меховой породы, то, возможно, ему ещё удалось бы занять пригретое местечко среди солярного пантеона, потираясь бочком одновременно об Амагерасу, Ра, Ярило и Одина.

За этими размышлениями я сам не понял, как погрузился в дремотное состояние. Омыртаган, чьи движения было забавно наблюдать из-под прикрытых век, казался маленьким добродушным хорьком, неспешно сновавшим по колебательной амплитуде вокруг собственной оси. Его облик, размывался, расплывался и оттого казался нечётким. Самым странным была поразительная ясность всего, что окружало Омыртагана, тогда как он казался разноцветным светящимся

пятном, словно блик на видеозаписи или плазмод на фотографии, будто это призрак, всеми правдами и неправдами силящийся скрыть свой действительный облик под маской человеческого существа.

Он устроился поудобнее, вытащил варган и принялся на нём играть, постепенно меняя темп и высоту звучания. Периодически дребезжание начинало напоминать некие трудновыразимые для человеческой речи слова, которые сливались с дребезжащим клёкотом и гулом горлового пения. Через пару минут уже начало казаться, что мой товарищ расплывается ещё больше, и вот его контуров уже практически невозможно было увидеть, а скалы, сугробы, застывшее ледяное море словно бы прониклись вибрациями варгана, его переливами металлического голоса - и сами принялись вторить в такт.

Тут только мне открылась первозданность местности, в которой мы находились. Человек пакостит настоящее в вещах своим прикосновением, всюду оставляя шлейф - там, где пройдёт, где почувствует, ощутит, выплеснет накопившиеся эмоции, чаще всего - негативные. В мегаполисах, городках, поселениях вещи кажутся засорёнными. Камни приняли на себя слишком многое, чтобы их можно было бы назвать здоровыми, растения сплошь покрыты взглядами и касаниями, снег впитал пыль дорог и негодование, страхи, чаяния, неуверенность и сомнения, дикость жлобства и снобизма замшелых чинуш, загребущих нуворишей, пугливых мещан и безмозглых качков, никогда не снимающих спортивной одежды, их ублюдочные пути стереотипического мышления, всегда блуждающего заезженными скудными узорами без поворотов и пируэтов, что столь характерно для городского быдла, не просыхающего от многообразия потребляемого им алкоголя.

Кажется - ещё чуть-чуть, и атмосфера города расцветёт ядерным грибом, когда критическая масса гордыни от реалиованного престижа и примерно такая же масса разочарований и безвыходных фрустраций по поводу вынужденной депривации всё того же престижа, превысят все предельно допустимые показатели и начнут-таки друг друга экстренно аннигилировать очередной войной, бунтом или масштабным возмущением народных масс.

Здесь же, на необитаемом севере, всё было чисто, естественно, изначально. Здесь не было никого, мы первые пришли созерцать изначальную природу. И здесь не казалось небо прессом, а снег не состоит из хандры или скалы - из усталости. Снег был снегом, обычный, из воды, а скалы сохраняли свою каменную кристаллическую первооснову, созвездиям над головой не приходилось едва заметно

прорываться через буро-жёлто-вишнёвое марево вездесущих городских электрических солнцезаменителей и подвижных реклам.

Здесь звёзды развернулись в полную силу и повисли над головой объёмной проекцией самой естественной в мире обсерватории. Уже совсем вскоре в небе развернулись стяги феерической пляски космических частиц. Я замороженно, всё в той же полудрёме, наблюдал за колышущимся, точно небесная камбала, полотном многокилометрового голографического шоу, почти ежедневно устраиваемого здесь щедрым на зрелищные подарки космосом.

Вдруг, буквально где-то на границе воспринимаемого, внутри северного сияния показались несколько вспышек очень ярких огней. Сначала я подумал, что у меня начало рябить в глазах оттого, что я уже битый час сижу на морозе совсем не моргая, лишь едва прищурившись. Но всё же нет, вспышки не исчезали и, мало того, начали приближаться, увеличиваясь в размерах.

Спустя несколько минут, в свечении этих огней начали угадываться очертания. Это были существа, похожие на очень худых дистрофичного вида людей гигантского размера. Тем временем, мой товарищ, хоть, я уверен, и заметил приближение этих пяти или шестиметровых существ, своим видом никак не проявлял ни беспокойства, ни радости, продолжая играть на варгане, как ни в чём ни бывало. Совсем вблизи, метров за двести, стало заметно, что они идут прямо по воздуху, словно проецируясь на складки северного сияния. У существ оказалась очень бледная, мертвецки синевато-зеленоватая кожа, крайне длинные, паучьего вида, руки и ноги, на которых они ковыляли, прихрамывая и раскачиваясь в обе стороны. При этом шаг не выглядел неловким или затруднённым. Как раз напротив, в их движениях ощущалась непоколебимая уверенность, несокрушимая никаким внешними воздействиями. Казалось, что даже если в них прямым попаданием запустить ракету, они лишь отмахнутся от неё, как от пчелы - и продолжат свой путь давно проторенной тропой. Да, и на них совсем не было одежды, а сходство между всеми ними было настолько поразительно, что складывалось впечатление, что у существ вообще отсутствует разделение по полу. Мало того, было в них что-то слишком уж одинаковое настолько, что складывалось впечатление, что это лишь одно существо, а все остальные - его проекции, однако проекцию невозможно было отличить от оригинала. Они были здесь и нигде, а каждый из них был одновременно, и проекцией всех других, и оригиналом, проецировавшимся на каждого из себе подобных.

Когда сущности прошагали у меня над головой, спустились на

землю и пошли по верхушкам стланика, то я, неожиданно сам для себя, встал и пошёл за ними, словно бы захваченных незримым арканом одного из них. Или всех вместе сразу. Было непонятно, действительно ли это происходит, или же я просто уснул и сейчас вот сижу у костра с понурившейся головой. Даже щипать себя не стал - какое это имеет значение? Просто встал и пошёл туда, куда направляло меня тело отдельно от разума - вслед за Шагающими по деревьям. Сезонная миграция сущностей - это вам не просто так!

Пока мы шли, пейзаж несколько раз менялся. Сначала мы оказались в странном месте, похожем на пустую ракушку, роль створок которой выполняла вода, прогибом нависаящая сверху и точно бы зеркально отражающаяся внизу. Мы шли ровно посередине между двумя вогнутыми океанами, а между нами летали глазастые существа, напоминающие розовых полупрозрачных медуз со щупальцами.

За океаном оказались многомерные коридоры из зеркал, затем - тропические болотистые джунгли с кувыркающимися гидроподобными существами в человечесий рост и гигантскими благоухающими хищными цветами. За болотами оказались на залитой изумрудным сиянием поляне, в центре которой постоянно сквозили призрачные создания, сменяясь каждый миг, словно кто-то продевал нитку призраков через игольное ушко искрящейся поляны. Были миры, где трудно было смотреть от ослепительного сияния густо набрызганных, точно пролитое молоко, звёзд на небосклоне, из-за чего всё небо казалось шариком рыбьего взгляда при просмотре изнутри рыбы. Были зелёные и бежевые пустыни с колючими зубастыми хищниками, маскирующимися под кактусы, и, наконец, были и такие миры, которые окунали меня во всё практически безграничное многообразие красок, запахов, звуков, точно фильтры моего сознания частично отключались, а геометрию пространства в этих проекциях я не решился бы точно описать даже в самых смелых терминах.

Представьте себе подобие пространства, вписанного в невозможный в нашей реальности треугольник Пенроуза, закрученный, точно лента Мёбиуса и развёрнутый в восьмерность под восемью равными углами, но, несмотря на это, продолжающего быть и оставаться треугольником. В самом центре этого пространства сияла некая странная полость так, как если бы все тени были вывернуты наизнанку. Как если бы вы смотрели на фотографию в негативе, но не с обращёнными в обратную сторону цветами, а с обращёнными в обратную сторону светотенями. И я понял, что если пройду через эти своеобразные врата - то это станет для меня персональной точкой

невозврата.

И тут я внезапно почувствовал, что кто-то меня цепко ухватил за плечо. Следующее, что я увидел, был Омрытаган Тэнэгыргын, стоящий у меня прямо за спиной.

- Я за тобой всю дорогу бегу, догнать не могу. Совсем, однако, далеко зашел. Если пройдёшь через лаз - станешь бессмертным, но - одним из этих. Придётся, наверное, сказать тебе правду. Эти существа - Древнейшие из моего народа. Они все когда-то были людьми, но пожелали жить вечно, и тогда их шаман открыл проход в неизведанное, откуда силы может прибывать больше, чем убывать. Но проход через врата навсегда передвинул их в место шаблона этих существ, довольно далёкое от человечества, что навеки изменило их облик, вообще лишив их способности умирать, сделав такое занятие бессмысленным для новой формы.

Много-много, однако десятков тысяч лет прошло. Но каждый год приходят они навестить родные земли, это ритуал, не позволяющий им потерять память о самих себе, пообщаться с биениями их прошлого существования. Из-за переизбытка энергии они становятся миг из мига лишь сильнее, а их облик всё больше и больше искажается. Вполне возможно, что вскоре они станут самыми мощественными существами межмирья. Да только к чему бессмертным власть? Они давно смирные, поскольку испытали всё. Их жизнь не лучше смерти, поверь.

Ты прошел за ними, поскольку спал. Не из сновидения ты наблюдал бы лишь всплески красок северного сияния - и ничего больше. Я пришёл за тобой точно так же. И в бессмертии много худого, дурного. Груз порой кажется невыносимым - а многие печали лишь копятся с годами. Периодически я провожу очищение от прошлого памятью былого, переключаясь на другие линии вариаций в прошлом, дабы достичь наиболее благоприятного хода существования в настоящем. И - они ещё здесь. Все здесь, и прошлые, когда Шагающие ещё были людьми, и нынешние и будущие. И все они пойдут через врата, до единого.

А пока горят и востребованы врата - никуда я не денусь. Да, я последний из их племени, тот самый шаман, что открыл портал в бессмертие. Но, знаешь что, меня нет такого, каким ты меня видишь и помнишь. Я и есть портал. Я - врата. Прочее - остаточная проекция в мир привычных вещей, пустая оболочка, всё содержимое которой - в этом сиянии межмирья. А облик я приму любой. С этими словами Омрытаган превратился в блоху и ускакал. И тотчас же необычная реальность вокруг меня словно бы облезла или, скорее даже, обычная

реальность проявилась, как проявляется на фотобумаге старая аналоговая фотография. Омыртаган сидел и пел, наблюдая, как стужа сгребает в смерчки над обледенелой поверхностью лагуны Кунэргвин Колючинской губы. Я присоединился, и вскоре, усталость от восторга медитативного созерцания погрузила меня в дремучий и беспробудный сон без сновидений до самого утра без солнца, которого осталось ждать ещё месяца три, как - увы - и заведено в наших краях.

*Белоусов Роман,
20 сентября 2014 года.*